

Э то было в том самом 1961-м году, когда полетел в космос Юрий Гагарин. Событие затмило все другие достижения науки, отодвинув их на второй план. Будь по-другому, Генриха Штейнберга, наверное, чествовали бы столь же восторженно, как первого космонавта. Впрочем, в кругу вулканологов Генрих стал не менее популярен, как и положено первопроходцу.

Однако вулканы вскоре отомстили за свое унижение. Злую шутку сыграл с учеными Карымский вулкан, куда следом за Авачинским намеревался спуститься Штейнберг. Словно разрушая иллюзию о своей доступности, кратер начал забрасывать их вулканическими бомбами, некоторые из них по размерам можно сравнить с загородными коттеджами наших толстосумов. Одна сломала бедро у коллеги, вторая проломилась череп Генриха, и он тут же рухнул без сознания.

Раненых вывезли из района извержения военные вертолетчики. Медики, осмотрев раны, полученные Штейнбергом, дали безоговорочное заключение: «травмы несовместимы с жизнью» - мол, протынет молодой геолог не более суток. После такого диагноза он живет уже более полувека и сдаваться не намерен еще по крайней мере лет двадцать-тридцать. Но тогда, в 62-м, он пробыл без сознания семь суток, а в жерло следующего вулкана - Шивелуч - спустился только через два года. Для Штейнберга срок поистине вечный, потому что течение своей жизни он привык измерять часами, в крайнем случае днями, а тут месяцы и даже годы...

Он мастерски прессует не только свое время, но и увлечения, которые иногда коренным образом меняют ход жизни.

Так случилось после одной из экспедиций на вулканы. Тогда, вернувшись в свой Институт вулканологии Академии наук, он, как и положено исследователю, принялся за изучение литературы по специальности: а вдруг коллеги что-то нашли оригинальное? И наткнулся на любопытную статью о геологии Луны. Он был в корне не согласен с позицией автора, который приписывал Луне особенности, не свойственные земным породам. Штейнберг же был убежден, что вулканические пейзажи Камчатки вполне подходят к лунным условиям. Но с кем поделиться своими «крамольными» мыслями?

В родном Питере, где он провел студенческие годы, среди друзей остались только поэты и писатели, других выпускников профессии разбросала по стране и миру. Но что могут посоветовать Иосиф Бродский, Андрей Битов или Сергей Юрский?! И решил Генрих обратиться к самому академику Королеву, зная, что Главного конструктора волнует все, что связано с Луной. Впрочем, Сергей Павлович был слишком засекречен, а потому в справочнике Академии наук СССР значился лишь адрес Президиума. Туда и направил свою краткую статью о Луне вулканолог Генрих Штейнберг.

Каково же было его удивление, когда вскоре он получил два письма - одно из журнала «Доклады Академии наук», а второе от самого Королева. Из «Докладов» сообщили, что статья представлена академиком С.П. Королевым и будет опубликована в ближайшем номере. А в своей краткой записке Сергей Павлович просил позвонить ему, когда Генрих окажется в Москве.

Будучи проездом в столице, Штейнберг дважды набирал номер Королева, но того в Москве не было - уезжал на полигон. Увы, третий раз звонить уже не было смысла: Главный конструктор ушел из жизни, а у его преемников стиль работы был иной - они с рядовыми исполнителями не встречались...

Т ем не менее «космическая эпопея» для Г.С. Штейнберга не завершилась - она только начинала разворачи-

ваться! Его выводы о схожести склонов вулканов с лунными пейзажами привлекли внимание создателей автоматических межпланетных аппаратов. Они обратились к Штейнбергу с просьбой принять участие в испытаниях лунохода. Вскоре уникальный аппарат был доставлен на Камчатку. Шасси лунохода прошли тщательную проверку на склонах вулкана. Через пару лет оба наших лунохода исколесили кратеры и равнины спутника Земли, доказав тем самым верность предположений вулканолога с Камчатки.

Впрочем, сам он в это время уже назывался космонавтом и готовился к первой советской лунной экспедиции. Предполагалось, что начнется она в 1972-м году. Он был зачислен в «отряд космонавтов Академии наук». Из семисот человек, написавших заявление, прошли комиссии всего трое, один из них - Генрих Штейнберг.

На мой взгляд, это событие ярко характеризует не только профессионализм Генриха Семеновича, но и его умение собрать воедино волю, упорство, мужество и неистребимое стремление достичь заветной цели, - все те качества, которые помогали ему и при спусках в вулканический ад. Естественно, такие черты характера нужны и для полетов в космос, хотя, пожалуй, и не в той степени - все-таки космонавтов и астронавтов нынче намного больше, чем специалистов по вулка-

на, как один из руководителей Института вулканологии, он не имел права помогать создателям космической техники.

Потом Генриха исключили из партии - так он был «наказан» за дружеские отношения с И. Бродским, В. Некрасовым и М. Ростроповичем. «По сокращению штатов» его отчислили из Института - таким способом коллеги отплатили за его «эмиграцию» в отряд космонавтов. Впрочем, вскоре его восстановили в штате, но теперь уже он сам не вернулся в ту науку, где вдруг стал изгоем.

О тныне его наука распротранилась по планете, а случилось это благодаря тому, что он работал в... котельной. Да, именно в котельной - рядовым электриком! Оказалось, что в СССР для настоящего ученого это лучшее место работы. Дело в том, что для публикаций в научных журналах за рубежом советскому ученому требовалось множество согласований и разрешений. Получить разрешение практически было невозможно, если у тебя не было приставки «академик», в крайнем случае «профессор». А для электрика котельной никаких согласований не требовалось, и Генрих Штейнберг в полной мере воспользовался этим. В крупнейших научных журналах мира было опубликовано более 30 его работ. Известность молодого ученого росла стремительно - теперь его приглашали на международные кон-

МЕСТЬ ВУЛКАНОВ

Вулканы казались ему стадом необузданных диких зверей. К ним подступиться страшно, а не то чтобы укрощать. Но профессия уже была выбрана, по распределению попал на Камчатку - «в страну вулканов», и хотелось сделать чуть больше, чем предшественники. Он первым в истории вулканологии, а, следовательно, и цивилизации, спустился в жер-

ло Авачинского вулкана. В то самое адское пекло, которое так манило ученых, но выбрасывало им навстречу раскаленные камни и фонтаны обжигающего газа. На этот раз вулкан был великодушен - он милостиво разрешил Генриху походить в своем жерле, установить аппаратуру, провести необходимые измерения.

нам. Ну а туристов, покоровших раскаленные кратеры, вообще нет, чего сказать нельзя о космических полетах...

Однако полететь в космос Генриху не довелось. Случилась трагедия: погиб экипаж первой орбитальной станции, и третье кресло в корабле «Союз» было снято, чтобы космонавты могли летать в скафандрах. Это третье кресло было предназначено для ученых, а теперь им в космосе места не нашлось.

Я спросил Генриха: - Жалеешь о том времени и о своем несостоявшемся полете? Он ответил, как всегда, искренне:

- Отнюдь! Я ведь собирался не просто в космос, а на Луну! Однако такая экспедиция у нас не состоялась. Но и у американцев не было специалиста-геолога, понимающего суть вулканических процессов. Так что подобные исследования на Луне - в будущем. Я жалею лишь об одном. В редакции журнала «Доклады Академии наук» мне показали письмо академика С.П. Королева с рекомендацией для публикации моей статьи. Но я не выпросил это письмо и был настолько беспечен, что даже не снял копию... Потом, естественно, это письмо исчезло - когда стало ясно, что Сергей Павлович не просто академик...

Необычных жизненных поворотов у Генриха было предостаточно. Сразу после отчисления из отряда космонавтов на него обрушилась лавина бед, которые в конце концов принесли ему мировую известность. Его обвинили «в перерасходовании государственных средств», завели даже уголовное дело. Это была «плата» за помощь в испытаниях лунохода. Оказывает-

грессы и конференции. Пришлось чиновникам возвращать электрика в большую науку - тем более что требовались ежемесячные прогнозы землетрясений, без которых по Дальнему Востоку не принималось ни одного серьезного решения в Москве. Вот тут знания и опыт Генриха Штейнберга пригодились в полной мере.

Его авторитет еще больше поднялся над обыденностью после одного случая в Латинской Америке. Там шел конгресс сейсмологов. Он проходил у подножия одного из действующих вулканов. Прогноз был успокаивающий: мол, вулкан постепенно смирится, извержение прекратится. И лишь один ученый (это был Генрих Штейнберг) сказал, что через два дня произойдет крупное извержение и что он рекомендовал бы поостеречься. Над прогнозом ученого из России два дня посмеивались, но потом горько пожалели об этом: извержение случилось, конгресс пришлось прервать, а несколько поселков эвакуировать.

В Никарагуа случилось прямо противоположное. Сейсмологи из разных стран дали заключение, что извержение вулкана будет продолжаться еще долго, а потому население близлежащих поселков и городов следует эвакуировать. Но группа российских вулканологов, возглавляемая Штейнбергом, спустилась в кратер, и вскоре Генрих заявил, что никакой опасности нет - вулкан успокаивается. Так и случилось.

- Не боялся ошибки? - спросил я. - Все-таки в твоей науке слишком много неясного, непроверенного, а потому прогнозы не всегда верны...

- На самом деле о вулканах мы знаем больше, чем кажется со стороны, - пояснил Штейнберг. - Вторую половину XX века часто называют началом космической эры человечества, и это абсолютно верно. Но эти десятилетия можно смело назвать и эпохой покорения вулканов. Я хочу сказать, что очень многое об их жизни нам стало известно, а потому наука уже способна прогнозировать их работу, их будущее. Именно поэтому я и предлагаю ряд проектов, которые помогут использовать вулканы на благо людей.

Как всегда, Генрих Штейнберг разрабатывает сейчас поистине фантастические проекты. На этот раз речь идет о вулкане Кудрявый.

Одним из методов контроля вулканов является анализ состояния газов, - рассказывает Генрих Штейнберг. - А для этого со специальной аппаратурой надо работать в кратере. На этот раз мы находились на острове Итуруп в вулкане Кудрявый. Там и обнаружили необычный образец породы с металлическим блеском. Отправили образец в Москву. Оттуда приходит информация, что мы нашли один из самых редких в мире металлов - рений. Это металл высоких технологий. Он используется в ракетной технике, нефтехимии, в авиационных двигателях, в оборонной промышленности. В России рения не хватает, а закупать его за рубежом практически невозможно - его очень мало, и цена его постоянно растет.

- Что же ты предлагаешь? - Использовать естественную обогащающую фабрику, которой является вулкан Кудрявый! Вместе с коллегами мы разработали проект того, как извле-

кать рений из вулканического газа. На первый взгляд наши предложения кажутся фантастическими. Мы «накрываем» долину куполом, собираем газ и направляем его в специальную емкость, где находится адсорбент - цеолит.

- А если случится извержение?

- Вулкан Кудрявый - «спокойный». Извержение возможно раз в несколько столетий. Если оно случится, то, конечно же, купол разрушится, оборудование погибнет. Но к тому времени рения будет добыто столько, что затраты окупятся десятками тысяч раз! Ну а безопасность людей мы, конечно же, гарантируем, так как научились прогнозировать деятельность вулканов достаточно точно.

...Уже несколько лет Генрих Штейнберг пытается убедить Правительство России в том, что научно-технический прогресс невозможен без использования таких уникальных материалов, как рений. На словах ученого, конечно же, все поддерживают. Однако стоит ему начать рассказывать о проекте использования вулкана Кудрявый более подробно, как тут же возникают сомнения: мол, очень уж непривычно включать в «штатное расписание предприятия» столь экзотический элемент, как вулкан.

Сомнения, конечно же, всегда должны быть, когда речь идет о принципиально новых вещах, но все-таки на первый план должно выходить доверие к таким ученым, как Генрих Штейнберг. Ведь именно они выдвигают идеи - столь необычные, что обязательно становятся реальностью.

Владимир ГУБАРЕВ